

УДК 343.45

DOI: 10.17223/22253513/29/7

Д.В. Карелин, Д.М. Мацепуро, Ф. Селита

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ГЕНЕТИЧЕСКИХ ДАННЫХ ЧЕЛОВЕКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹

Рассмотрены теоретические и практические аспекты «включения» генетических данных человека в объект уголовно-правовой охраны, проанализированы международные стандарты в сфере оборота генетических данных о человеке и действующее российское законодательство. Сделаны выводы и предложения, направленные на совершенствование механизма уголовно-правовой охраны генетических данных человека как вида персональных (биометрических) данных.

Ключевые слова: генетические данные человека, персональные данные, уголовно-правовая охрана, предмет преступления.

На сегодняшний день генетические данные человека² являются огромным источником информации о людях. Многочисленные результаты последних исследований не оставляют сомнений в том, что гены влияют на все черты человека [3. С. 3–23]. В среднем генетические факторы объясняют примерно половину различий между людьми во всех сложных признаках [4. С. 702–709]. Например, недавний метаанализ показал, что 66% индивидуальных различий в образовательных результатах обусловлены наследственными факторами [5. С. 69–76]. Уже сегодня ДНК может быть использована для прогнозирования будущих характеристик, в том числе связанных со здоровьем и обучением. Так, недавно было показано, что в возрасте 16 лет почти 10% индивидуальных различий в успешности на экзамене могут быть определены только на основе анализа ДНК (полигенного индекса, включающего сотни генетических маркеров «малого эффекта») [6. С. 267–272]. Для некоторых признаков отдельные генетические мутации могут указывать на значительно повышенный риск. Например, женщины, имеющие мутацию BRCA1, имеют риск развития рака молочной железы около 80%, в отличие от среднего риска в популяции 12–18% [7. С. 812–822].

¹ Статья выполнена в рамках гранта Минобрнауки России № 25.8562.2017/9.10

² Под генетическими данными в нормативно-правовых актах РФ понимается генетическая информация (сведения), «воспринимаемая человеком и / или специальными устройствами как отражение фактов материального или духовного мира в процессе коммуникации» (ГОСТ 7.0-99) независимо от формы их предоставления [1]. В свою очередь, в Общем регламенте по защите данных Европейского Союза генетические данные определяются как «персональные данные, относящиеся к унаследованным или приобретенным генетическим характеристикам человека, которые предоставляют уникальную информацию о физиологии или состоянии здоровья этого человека и получены при анализе соответствующего биологического образца» [2].

Беспрецедентно стремительный прогресс свидетельствует о том, что, вероятно, в скором времени мы сможем прогнозировать с гораздо большей точностью такие признаки, как состояние здоровья, академическая успеваемость, индивидуальные особенности личности и поведения, например асоциальное поведение. Более того, новейшие технологии редактирования генов позволяют модифицировать генетическую структуру живых организмов [8. С. 35–83]. То, что казалось невозможным всего несколько лет назад (например, доступное и быстрое секвенирование генома), теперь абсолютно реально и получает широкое распространение. К примеру, услугу секвенирования генома частным лицам в настоящее время предоставляет ряд коммерческих компаний, например 23andMe.

Сверхточная информация, извлекаемая из генетических данных человека, очень ценна, но вместе с тем она может представлять определенные риски для людей и их родственников. Например, такая информация может использоваться для манипуляций со страховыми премиями, в вопросах занятости, образовательной сфере, вопросах развития ребенка, а также в правоохранительной области. Страховые компании существуют за счет средств, полученных от более здоровых людей, чтобы покрывать расходы тех, у кого есть проблемы со здоровьем, а это значит, что информация о рисках для здоровья представляет особую ценность для страховых компаний. Страховые корпорации могут тайно использовать генетические данные для манипулирования страховыми выплатами, которые они определяют для отдельных лиц в зависимости от рисков их здоровью.

Аналогичным образом работодатели могут использовать генетические данные для выявления и привлечения талантов, в том числе путем открытой и жесткой «охоты за головами» кадровыми агентствами. Возможно также воздействие на людей с конкретными генетическими профилями посредством специально направленной персонализированной рекламы и адресных информационных рассылок. С одной стороны, это положительно скажется на процессе найма, а с другой – может привести к дискриминации и упущенным возможностям для людей.

Генетическая информация также может использоваться правительственными структурами, в том числе для деятельности полиции и обеспечения правопорядка. Генетическая наука уже спасла многих людей от смертной казни и предотвратила вынесение многочисленных ложных приговоров. В итальянских судах есть опыт использования генетической информации для смягчения уголовной ответственности, в судах США – для пересмотра обвинения в убийстве 1-й степени (тяжкое преступление или преступление, наказуемое смертной казнью) в пользу убийства при смягчающих обстоятельствах [9. С. 287–306]. В то же время возрастающая точность генетической информации вызывает все больший интерес спецслужб и правоохранительных органов, включая попытки предотвратить преступления посредством наблюдения за лицами, которые имеют генетическую склонность к агрессии или преступному поведению. Все это представляет угрозу свободе личности и создает высокий риск различных злоупотреблений.

В эру генома детское развитие – еще одна сфера, которая вызывает особое беспокойство из-за возможности злоупотребления генетической информацией. Генетическая информация о таких характеристиках, как асоциальное поведение и психические расстройства, может быть использована ненадлежащим образом, например путем несанкционированного наблюдения или таргетированной рекламы в соответствии с генетическими предрасположенностями. Генетическая информация также может применяться в сфере школьного образования в целях отбора и распределения учащихся с учетом их потенциальных способностей. Кроме того, генетическая информация может использоваться для коммерческих и других целей, таких как повышение эффективности и расширение возможностей в спорте и вооруженных конфликтах [10. С. 244–280].

Сегодня мы уже знаем, что генетические факторы взаимодействуют со средовыми факторами и имеют вероятностное (а не детерминированное) воздействие на развитие человека. Поскольку генетическая наука продолжает получать новые данные об этих эффектах, законодательство должно быть усилено системой обеспечения безопасности для предотвращения злоупотреблений этими новыми знаниями.

С учетом изложенного выше мировое сообщество, осознавая достижения научно-технического прогресса и их значимость для нынешнего и грядущих поколений, в последнее время все чаще обращается к негативным сторонам этих процессов.

Научные открытия в области медицины и биомедицины не являются исключением и уже широко используются не только в медицинских, но и в коммерческих целях и в сфере информационных коммуникаций. Высокая степень развития технологий приводит к постановке вопросов этического и юридического характера, поскольку способна привести к попыткам злоупотребления, неправомерного использования и даже необоснованного ограничения прав и свобод человека (к дискриминации), в том числе по биологическим признакам.

Поэтому указанные аспекты все чаще становятся предметом обсуждения на самом высоком международном уровне [11], а также формируют повестку дня крупных научно-практических мероприятий. Подтверждением этому является прошедшая 17 мая 2018 г. биомедицинская сессия Петербургского юридического форума, на котором поднимались вопросы «чтения мыслей», трансплантаций и контроля человека через его геном и др. Юристы, ученые и врачи пришли к выводу, что в этих областях сохраняется серьезный правовой вакуум, заполнять который им придется вместе [12].

По мере накопления эмпирического материала, с развитием технологий генетические данные человека могут быть использованы для прогнозирования будущих характеристик личности, принятия решений в отношении этого лица в самых различных областях жизнедеятельности: в сферах здравоохранения, труда, страхования и др. В итоге проблема охраны таких данных от их неправомерного использования может возникнуть уже в ближайшее время. Таким образом, новые общественные отношения (или

изменение уже существующих) влекут за собой появление нового объекта возможного посягательства. Охрана объекта посягательства в зависимости от динамики общественной опасности деяния может осуществляться различными отраслями права.

Далеко не последняя роль в решении указанных вопросов принадлежит охранительным отраслям права. Их основной задачей является охрана общественных отношений, которые уже урегулированы другими (регулятивными) отраслями права. К охранительным отраслям права традиционно относятся административное и уголовное право.

В самом общем виде «включение» (определение места) генетических данных человека в объект уголовно-правовой охраны предполагает получение ответов на вопросы о том, к какому ближайшему объекту уголовно-правовой охраны они относятся и на какие элементы состава преступления способны повлиять.

В Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации закреплена исчерпывающий перечень общественно-опасных деяний, за которые предусмотрена уголовная ответственность. Их общественная опасность определяется тем, что они причиняют или создают угрозу причинения вреда тем или иным объектам уголовно-правовой охраны. При этом причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны (объекту преступления) может осуществляться посредством воздействия на предмет преступления. В таких деяниях предмет преступления выступает обязательным признаком состава преступления и, как правило, не претерпевает каких-либо неблагоприятных изменений. В качестве предмета преступления могут выступать деньги, вещи материального мира, документы, сведения (информация), нематериальные блага.

В соответствии со ст. 2 УК РФ к объектам уголовно-правовой охраны относятся: права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй Российской Федерации, мир и безопасность человечества.

При определении круга объектов уголовно-правовой охраны уголовное законодательство основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права, которые, как и международные договоры, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Следовательно, для рассмотрения теоретических и практических аспектов уголовно-правовой охраны генетических данных необходимо, прежде всего, обратиться к содержанию основных международных правовых актов в рассматриваемой сфере, таких как Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., международные пакты ООН об экономических, социальных и культурных правах и о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Международная конвенция ООН о ликвидации всех

форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г., Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г.; Конвенция ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г.; резолюции 2001/39 и 2003/232 ЭКОСОС ООН о генетической конфиденциальности и недискриминации от 26 июля 2001 г. и от 22 июля 2003 г. соответственно; Конвенция МОТ № 111 о дискриминации в области труда и занятий от 25 июня 1958 г.; Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии от 2 ноября 2001 г.; Соглашение о связанных с торговлей аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС); Декларация о Соглашении ТРИПС и общественном здравоохранении (Доха) от 14 ноября 2001 г.; Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека от 11 ноября 1997 г.; Руководящие принципы ООН осуществления Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека, которые она одобрила 16 ноября 1999 г. в своей резолюции 30 С/23 «Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине» (ETS № 164) (заключена в г. Овьедо 4 апреля 1997 г.); «Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (Страсбург) от 28 января 1981 г.; Директива 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 24 октября 1995 г. «О защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных» и др.

Все правила (нормы), содержащиеся в международных документах и так или иначе регламентирующие отношения в сфере оборота генетических данных человека (закрепляя принципы, определяя гарантии, права и обязанности, а также ответственность субъектов рассматриваемых отношений), авторы данной публикации условно определили как «международные стандарты оборота генетических данных человека» (далее – МСГД).

Анализ МСГД позволяет сделать вывод о том, что к наиболее важным положениям в сфере регулирования отношений по поводу генетических данных человека, которые единообразно осознаются на уровне мирового сообщества и имеют непосредственное отношение к задачам настоящего исследования, следует отнести следующие:

- генетические данные человека связываются с правом человека на достоинство человека (уважение человеческого достоинства) в условиях научно-технического прогресса;
- сбор, обработка, использование и хранение генетических данных человека потенциально чреваты опасностями для осуществления и соблюдения прав человека и основных свобод и уважения человеческого достоинства, в частности его права на неприкосновенность частной жизни;
- генетические данные человека относятся к персональным данным;
- конфиденциальный характер генетических данных человека не вызывает сомнений и подчеркивается во всех международных правовых актах в данной сфере.

Следует учесть, что некоторые международные акты носят рекомендательный характер, другие не ратифицированы либо Российская Федерация к ним не присоединилась.

Исходя из того, что права и свободы человека и гражданина обладают наивысшей ценностью, именно им отведено первое место среди объектов уголовно-правовой охраны (ст. 2 Уголовного кодекса РФ), а с преступлений против личности начинается Особенная часть Уголовного кодекса России.

Разумеется, так или иначе все нормы Уголовного кодекса в конечном счете призваны охранять права человека и его свободы. В особых случаях такая охрана осуществляется непосредственно: в таких преступлениях соответствующие общественные отношения выступают в качестве основного непосредственного объекта преступления (например, нарушение тайны частной жизни), в других – опосредованно или, иными словами, «на дальних подступах» (отношения, в которых права человека и соответствующие сведения, которые могут выступать в качестве предмета преступления, могут образовывать признак дополнительного или факультативного непосредственного объектов преступления, например преступления в сфере компьютерной информации).

Критерием деления Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации на разделы и главы является объект преступления. Исходя из предлагаемого в науке уголовного права деления объектов преступления на общий, родовой, видовой и непосредственный, действующий Уголовный кодекс Российской Федерации содержит специальную Главу 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». В этой главе законодатель объединил преступления, которые в качестве их видового объекта имеют наиболее значимые общественные отношения, возникающие в сфере реализации человеком и гражданином его конституционных прав и свобод, но не относящиеся к таким абсолютным благам, как жизнь, здоровье, физическая свобода и телесная неприкосновенность. Нарушение права на жизнь, здоровье и свободу влечет более строгую ответственность, которая предусмотрена другими главами Уголовного кодекса РФ (главы 16–18). Следуя логике законодателя, именно в Главе 19 УК РФ и должны быть закреплены в качестве преступлений посягательства на общественные отношения по поводу реализации прав и свобод человека, в содержание (структуру) которых входят генетические данные.

Учитывая, что нормы Особенной части Уголовного кодекса России в большинстве являются бланкетными, для ответа на вопрос о том, в содержание каких прав и свобод входят генетические данные, необходимо обратиться к другим отраслям права.

В связи со стремительным развитием науки и техники, усложнением общественных отношений неизбежно появление новых прав человека (в области биомедицины, информационно-коммуникационных технологий и др.). Таким образом, можно говорить о формировании прав человека нового поколения, отличающегося от трех известных поколений (личные и политические; социально-экономические и культурные права; права солидарности).

Права человека, необходимость защиты которых обнаружилась в условиях научно-технического прогресса, именуются в специальной литературе правами четвертого поколения [13]. Одним из видов таких прав являются соматические права (от греч. soma – тело).

Соматические права имеют сугубо сложную правовую природу (личностно материально-персонализирующую). В действующем законодательстве Российской Федерации данные права не выделяются в качестве самостоятельной категории. Следовательно, необходимо соотнести эти права с закрепленными в нормативных правовых актах и с уже устоявшимися правовыми конструкциями.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Конституции РФ «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени». Важной гарантией данного права являются нормы ст. 137 Уголовного кодекса РФ (Нарушение неприкосновенности частной жизни), предусматривающие уголовную ответственность за «незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации».

Понятие «сведения о частной жизни лица» в уголовном законодательстве не раскрывается. Следовательно, в этом значении рассматриваемая часть уголовно-правовой нормы является бланкетной, а значит норма подлежит применению в системном единстве с положениями иных нормативных правовых актов.

Конституционный суд России, неоднократно обращавшийся к обозначенной проблеме, выработал в данной области ряд важнейших рекомендаций. Так, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. В понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если не носит противоправного характера (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 г. № 248-О, от 26 января 2010 г. № 158-О-О и от 27 мая 2010 г. № 644-О-О). Соответственно, лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного лица, как того требует Конституция Российской Федерации.

С учетом приведенного толкования конституционных норм можно прийти к выводу, что генетические данные как относящиеся к отдельному человеку и касающиеся только его юридически вписываются в конструкцию «права на неприкосновенность частной жизни», следовательно, генетические сведения о человеке могут и должны оставаться в тайне.

Как отмечалось, генетические данные о человеке в международных стандартах отнесены к персональным данным. Последние лишь недавно получили правовую основу их непосредственного регулирования (ранее этот термин использовался в трудовом законодательстве). Специальный нормативный акт – Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (далее – ФЗ № 152) – был принят лишь в 2006 г. В настоящее время актуальность отношений в сфере оборота этих данных стремительно возрастает, что подтверждается многочисленными законодательными новеллами и изменениями самого понятия «персональные данные» (Федеральный закон от 25 июля 2011 г. № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О персональных данных”»).

В действующей редакции закона под персональными данными понимается «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» (ст. 3 ФЗ № 152). Персональные данные являются конфиденциальными (ст. 7 ФЗ № 152).

Термин «персональные данные» появился в Уголовном кодексе России в связи с Федеральным законом от 07 декабря 2011 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Этим законом Уголовный кодекс был дополнен ст. 173.2, ч. 2 которой предусматривала ответственность за «приобретение документа, удостоверяющего личность, или использование персональных данных, полученных незаконным путем, если эти деяния совершены для образования (создания, реорганизации) юридического лица в целях совершения одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иным имуществом».

Больше упоминаний о «персональный данных» в Уголовном кодексе не встречается. Вместе с тем, будучи информацией, персональные данные (а значит, и генетические данные о человеке) могут быть предметом так называемых «информационных преступлений», в которых та или иная информация (в нашем случае – персональные данные) выступает в качестве предмета преступления как признака основного либо дополнительного непосредственного объекта преступления (например, незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ)).

Генетические данные человека могут быть отнесены к категории специальных персональных данных – к биометрическим персональным данным. В соответствии со ст. 11 ФЗ № 152 под биометрическими персональными данными понимаются «сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных». Эти сведения могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта

персональных данных, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 11 ФЗ № 152.

Таким образом, для более четкого определения места генетических данных в механизме уголовно-правового регулирования, определения их места в системе объектов уголовно-правовой охраны законодателю необходимо выразить позицию относительно того, что генетические данные человека являются разновидностью персональных биометрических данных, а биометрические данные составляют личную тайну.

В целях уголовно-правовой охраны генетических данных и единообразного применения уголовно-правовых норм в части охраны генетических данных человека:

– возможно непосредственное указание в диспозиции либо в примечании к ст. 137 Уголовного кодекса России на генетические данные человека в качестве предмета преступления;

– до внесения изменений в УК РФ представляется возможным дать соответствующее толкование в постановлении Пленума Верховного Суда России о правовой природе (сущности), принадлежности генетических данных человека (сведений) к содержанию тех или иных прав и свобод человека и гражданина.

Рассмотренный выше международно-правовой аспект охраны генетических данных человека как элемента права на неприкосновенность частной жизни в плане соотношения его с закрепленными в УК РФ 1996 г. объектами уголовно-правовой охраны позволяет сделать вывод о потенциальной (теоретической) возможности будущей уголовно-правовой охраны этих данных от неправомерного использования. Однако это вовсе не означает безусловной и немедленной криминализации этих деяний. Криминализации деяния (как результату в виде закрепления в уголовном законодательстве его в качестве преступления) предшествуют ответы на вопросы не только о характере и степени общественной опасности неправомерного использования генетических данных человека как единственного основания криминализации, но и об оценке необходимости и целесообразности самой криминализации с учетом возможности уголовной юстиции, охранительного потенциала иных отраслей права, возможности использования административной преюдиции и других условий. Эти вопросы должны быть предметом дальнейшего исследования.

Литература

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/24157/page/3> (дата обращения: 10.07.2018).

2. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679> (access date: 12.07.2018).

3. Plomin R., DeFries J.C., Knopik V.S., Neiderhiser J.M. Top 10 Replicated Findings from Behavioral Genetics // *Perspectives on Psychological Science : a Journal of the Association for Psychological Science*. 2016. Vol. 11 (1). P. 3–23. URL: <http://doi.org/10.1177/1745691615617439>
4. Polderman T.J.C., Benyamin B., De Leeuw C.A., Sullivan P.F., Van Bochoven A., Visscher P.M., Posthuma D. Meta-analysis of the heritability of human traits based on fifty years of twin studies // *Nature Genetics*. 2015. Vol. 47 (7). P. 702–709.
5. De Zeeuw E.L., van Beijsterveldt C.E.M., Ehli E.A., de Geus E.J.C., Boomsma D.I. Attention Deficit Hyperactivity Disorder Symptoms and Low Educational Achievement: Evidence Supporting A Causal Hypothesis // *Behavior Genetics*. 2017. Vol. 47 (3). P. 278–289. URL: <http://doi.org/10.1007/s10519-017-9836-4>
6. Selzam S, Krapohl E, von Stumm S, et al. (2017). Predicting educational achievement from DNA // *Molecular Psychiatry*. 22(2). P. 267–272. URL: <http://doi.org/10.1038/mp.2016.107>
7. Mavaddat N., Peock S., Fros, et al. Cancer Risks for BRCA1 and BRCA2 Mutation Carriers: Results From Prospective Analysis of EMBRACE // *JNCI: Journal of the National Cancer Institute*. 2013. Vol. 105 (11). P. 812–822. URL: <https://doi.org/10.1093/jnci/djt095>
8. Nordberg A., Minssen T., Holm S., Horst M., Mortensen K., Møller B. Cutting edges and weaving threads in the gene editing (Я)evolution: reconciling scientific progress with legal, ethical, and social concerns // *Journal Of Law And The Biosciences*. 2018. Vol. 5 (1). P. 35–83. URL: <http://doi.org/10.1093/jlb/lxx043>
9. Baum M. The Monoamine Oxidase A (MAOA) Genetic Predisposition to Impulsive Violence: Is It Relevant to Criminal Trials? // *Neuroethics*. 2011. Vol. 6 (2). P. 287–306. URL: <http://doi.org/10.1007/s12152-011-9108-6>
10. Mehlman M., Li T. Ethical, legal, social, and policy issues in the use of genomic technology by the U.S. Military // *Journal of Law and the Biosciences*. 2014. Vol. 1 (3). P. 244–280. URL: <http://doi.org/10.1093/jlb/lxu021>
11. 20th anniversary of the Oviedo Convention. 24–25 October 2017, in Strasbourg, under the auspices of the Czech Chairmanship of the Committee of Ministers. URL: <https://www.coe.int/en/web/bioethics/20th-anniversary-of-the-oviedo-convention>
12. Юристы и врачи помогут друг другу. Новые технологии в медицине требуют нового правового поля // *Коммерсант.ру* URL: https://www.kommersant.ru/doc/3630575?from=four_tech (дата обращения: 15.07.2018).
13. Международная и внутрисоциальная защита прав человека : учебник / А.Х. Абашидзе, З.Г. Алиев, К.Ф. Амиров и др.; под ред. Р.М. Валеева. М. : Статут, 2011. 830 с.

Karelin Dmitry V., Matsepuro Darya M., Selita F., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF GENETIC DATA OF THE PERSON: TO STATEMENT OF A PROBLEM

Keywords: genetic data of the person, personal data, criminal legal protection, crime subject.

DOI: 10.17223/22253513/29/7

Today genetic data of the person are a huge source of information on people. Unprecedentedly rapid progress demonstrates that possibly we will be able shortly to predict with a much bigger accuracy such signs as the state of health, the academic progress, specific features of the personality and behavior.

The ultraprecise information taken from genetic data on the person is very valuable, but at the same time, it bears certain risks for certain people. For example, such information can be used for manipulations with insurance premiums, in questions of employment, the educational sphere, questions of development of the child, in law-enforcement activity and also in other

areas of human rights. It leads to statement of questions of ethical and legal character, including, the abuses connected with prevention, unauthorized use and even unreasonable restriction of the rights and freedoms of the person (discrimination), including on biological signs. The important role in the solution of these questions belongs to guarding branches of the right and criminal law, in particular.

Task of authors when writing article was implementation of the analysis of "the international standards in the sphere of a turn of genetic data on the person" and the existing Russian legislation in the part relating to protection of the personal and genetic data of the person.

In the course of work on article the following methods have been used: comparative and legal, dialectic, formal and logical.

Subject of article was the analysis of norms in the international legal acts, norms in the existing criminal and regulatory legislation of Russia and definition of the directions of improvement of the mechanism of criminal legal protection of genetic data of the person.

As a result of the analysis authors have come to a conclusion that in "the international standards in the sphere of a turn of genetic data on the person", genetic data contact human right on respect of human dignity and the right to personal privacy; genetic data of the person belong to personal data and treatment of them has to have confidential character. The Russian legislation and its official interpretation conform to the international standards in the considered sphere.

It is noted that genetic data of the person directly aren't mentioned in the criminal legislation of Russia. The conclusion is drawn that their criminal legal protection can be carried out by means of reference of genetic data of the person to category of special personal data – to biometric personal data which is a personal secret.

Suggestions for improvement of the criminal legislation and practice of its uniform application regarding protection of genetic data of the person are formulated.

In the conclusion it is noted that the question of character and degree of public danger of an illegal turn of genetic data on the person needs additional study.

References

1. Kremlin.ru. (2006) *Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii: federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ* [On information, information technologies and information protection: Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/bank/24157/page/3>. (Accessed: 10th July 2018).
2. European Union. (2016) *Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation)*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679>. (Accessed: 12th July 2018).
3. Plomin, R., DeFries, J.C., Knopik, V.S. & Neiderhiser, J.M. (2016) Top 10 Replicated Findings from Behavioral Genetics. *Perspectives on Psychological Science*. 11(1). pp. 3–23. DOI: 10.1177/1745691615617439
4. Polderman, T.J.C., Benyamin, B., De Leeuw, C.A., Sullivan, P.F., Van Bochoven, A., Visscher, P.M. & Posthuma, D. (2015) Meta-analysis of the heritability of human traits based on fifty years of twin studies. *Nature Genetics*. 47(7). pp. 702–709.
5. De Zeeuw, E.L., van Beijsterveldt, C.E.M., Ehli, E.A., de Geus, E.J.C., Boomsma, D.I. (2017) Attention Deficit Hyperactivity Disorder Symptoms and Low Educational Achievement: Evidence Supporting A Causal Hypothesis. *Behavior Genetics*. 47(3). pp. 278–289. DOI: 10.1007/s10519-017-9836-4
6. Selzam, S., Krapohl, E., von Stumm, S., et al. (2017). Predicting educational achievement from DNA. *Molecular Psychiatry*. 22(2). pp. 267–272. DOI: 10.1038/ mp.2016.107

7. Mavaddat, N., Peock, S., Fros, et al. (2013) Cancer Risks for BRCA1 and BRCA2 Mutation Carriers: Results From Prospective Analysis of EMBRACE. *JNCI: Journal of the National Cancer Institute*. 105(11). pp. 812–822. DOI: 10.1093/jnci/djt095

8. Nordberg, A., Minssen, T., Holm, S., Horst, M., Mortensen, K. & Møller, B. (2018) Cutting edges and weaving threads in the gene editing (Я)evolution: reconciling scientific progress with legal, ethical, and social concerns. *Journal of Law and the Biosciences*. 5(1). pp. 35–83. DOI: 10.1093/jlb/lxx043

9. Baum, M. (2011) The Monoamine Oxidase A (MAOA) Genetic Predisposition to Impulsive Violence: Is It Relevant to Criminal Trials? *Neuroethics*. 6(2). pp. 287–306. DOI: 10.1007/s12152-011-9108-6

10. Mehlman, M. & Li, T. (2014) Ethical, legal, social, and policy issues in the use of genomic technology by the U.S. Military. *Journal of Law and the Biosciences*. 1(3). pp. 244–280. DOI: 10.1093/jlb/lxu021

11. Czech Chairmanship of the Committee of Ministers. (2017) *The 20th Anniversary of the Oviedo Convention. 24–25 October 2017, in Strasbourg, under the auspices of the Czech Chairmanship of the Committee of Ministers*. [Online] Available from: <https://www.coe.int/en/web/bioethics/20th-anniversary-of-the-oviedo-convention>.

12. Rayskiy, A. (2018) *Yuristy i vrachi pomogut drug drugu. Novyye tekhnologii v meditsine trebuyut novogo pravovogo polya* [Lawyers and doctors will help each other. New technologies in medicine require a new legal field]. [Online] Available from: https://www.kommersant.ru/doc/3630575?from=four_tech (data obrashcheniya: 15.07.2018).

13. Abashidze, A.Kh., Aliyev, Z.G., Amirov, K.F. et al. (2011) *Mezhdunarodnaya i vnutrigosudarstvennaya zashchita prav cheloveka* [International and Russian protection of human rights]. Moscow: Statut.